

Ли́ра Оско́льская

ПВЗ

Выдача
заказов

АННА
сотрудник ПВЗ

ПОЛИЦИЯ

Заказ В ПВЗ

романтическая комедия

Лира Оскольская

Заказ в ПВЗ

«Автор»

2026

Оскольская Л.

Заказ в ПВЗ / Л. Оскольская — «Автор», 2026

Пункт выдачи заказов - маленькое королевство Анны Сергеевны. Здесь всё под контролем: коробки на полках, клиенты с кодами, пенсионеры с возвратами. Здесь тихо, предсказуемо и безопасно. ровно до тех пор, пока в районе не появляется новый участковый. Младший лейтенант Калинин не улыбается, не шутит и записывает имена в блокнот. Анна уверена, что ему нужен только порядок на вверенной территории. Она ещё не подозревает, что скоро этот порядок перевернёт её привычную жизнь, а осень в Ростове окажется неожиданно тёплой.

© Оскольская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Осень в квартале.	5
Глава 2. Ужин в квадрате	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ли́ра Оскольская

Заказ в ПВЗ

Глава 1. Осень в квартале.

В Ростове осень никогда не умела входить тихо. Она не кралась по утрам холодным воздухом под двери, не заставляла людей сразу доставать из шкафов пуховики и не стирала город серым дождём за одну ночь. Здесь всё происходило иначе. Сначала становилось чуть прохладнее по вечерам. Потом солнце начинало садиться раньше. Потом листья на нескольких деревьях во дворе вдруг желтели, словно кто-то случайно пролил на них золотую краску.

И только через некоторое время замечаешь, что лето действительно ушло. Но даже тогда Ростов продолжал делать вид, что ничего особенного не произошло. Днём солнце по-прежнему могло припекать так, что прохожие расстёгивали куртки. На открытых верандах ещё сидели люди, уличные кофейни выставляли столики на тротуары, а возле остановок неизменно находился кто-нибудь в футболке, словно календарь был исключительно теоретическим документом.

Анна любила эту особенность города. Ей нравилось, что здесь осень не требовала смирения. Она приходила, но не отбирала всё сразу. Вечером становилось прохладнее, и воздух приобретал особенную прозрачность. Фонари отражались в лужах, жёлтые листья прилипали к мокрому асфальту, и город после девяти часов становился совсем другим - более медленным, мягким и каким-то неожиданно красивым.

Особенно её район. Днём он выглядел совершенно обыкновенно: девятиэтажки, припаркованные вдоль тротуаров машины, старые балконы с сушившимся бельём, детская площадка, несколько продуктовых магазинов и бесконечное количество вывесок, обещавших то скидки на маникюр, то кофе с собой, то ремонт телефонов за двадцать минут. Ночью всё это исчезало. Оставались свет окон, редкие машины, шелест деревьев и жёлтые круги фонарей на тротуарах. Анна часто думала, что если бы кто-нибудь заставил её однажды уехать из Ростова, больше всего она скучала бы именно по этим ночам. По тёплым, немного пыльным. По тем, в которых город пахнет листвой, кофе и чьим-то ужином из открытого окна. Она вообще много чего любила в Ростове, хотя редко признавалась в этом вслух.

Например, людей. Не всех, конечно. Некоторые люди, по её мнению, существовали исключительно для того, чтобы проверять чужое терпение. Особенно те, кто приходил в пункт выдачи заказов. Анна работала в ПВЗ уже второй год и за это время успела узнать о людях гораздо больше, чем рассчитывала.

Она знала, что женщина, которая говорит: «Я только заберу пакетик», почти всегда забирает семь пакетов. Знала, что мужчина, пришедший за одной отвёрткой, обязательно обнаружит в приложении ещё заказ, о котором забыл, и будет минут пять искать его среди восьмидесяти одинаковых уведомлений. Знала, что люди способны открыть коробку прямо перед стойкой, достать оттуда кофту, приложить её к себе, посмотреть в зеркало, вздохнуть, сказать «ну конечно», а потом уйти, оставив после себя упаковку и ощущение, будто в помещении только что прошёл небольшой спектакль.

Анна привыкла. У неё вообще был довольно спокойный характер.

До тех пор, пока клиент не говорил:

— А почему так долго?

В этом случае спокойный характер временно покидал её тело. Впрочем, внешне она всё равно улыбалась. Это было профессиональное.

- Здравствуйте.
- Код, пожалуйста.
- Одну минуту. Сейчас найду.
- Нет, коробку вскрывать здесь нельзя.
- Пакет тоже относится к заказу, его можно забрать с собой.
- Хорошего вечера.

Последняя фраза произносилась автоматически, даже если где-то внутри уже начинал разгораться маленький пожар.

Анне было двадцать семь. Она считала, что для некоторых вещей это слишком молодой возраст, для некоторых - уже почти пожилой, а для большинства жизненных решений вообще совершенно неподходящий. Впрочем, за последние несколько лет она пришла к простому выводу: возраст редко объясняет, что происходит с человеком.

Иногда двадцатилетние выглядели так, словно успели прожить три жизни. Иногда сорокалетние спрашивали у неё, где на телефоне камера. А один мужчина лет шестидесяти однажды полчаса не мог получить заказ, потому что забыл пароль, но уверенно заявил, что интернет придумали специально для того, чтобы мучить людей.

Анна тогда едва не засмеялась. Она вообще часто смеялась на работе, несмотря на усталость. Несмотря на то, что к концу смены хотелось снять с себя не только бейдж, но вместе с ним всю человечность.

Пункт выдачи находился на первом этаже дома. Небольшое помещение с большими окнами выходило прямо на улицу, поэтому Анна весь день наблюдала за районом через стекло. Она знала, кто утром выгуливает белого шпица. Кто каждый день покупает сигареты в соседнем ларьке. Какая бабушка приходит ровно в десять тридцать за очередной посылкой и неизменно говорит:

- Девушка, это последний раз, всю пенсию тут оставила.

Хотя заказывала она регулярно. Иногда по два раза в день. ПВЗ жил своей жизнью. Утром приходили люди, которые спешили на работу. Днём - пенсионеры, мамы с детьми и женщины, которые говорили, что заказали «совсем немного», а потом просили поставить им четыре огромные коробки куда-нибудь так, чтобы они не мешали другим.

После шести начиналось самое интересное. Люди возвращались домой. Кто-то забегал за посылкой по дороге, кто-то парковался вторым рядом, кто-то сигналил, чтобы ему вынесли заказ прямо к машине, хотя дверь находилась в пяти метрах.

К восьми вечера помещение начинало выглядеть так, будто через него прошла маленькая миграция населения. Анна переставляла коробки, закрывала ячейки, проверяла возвраты и иногда думала, что если когда-нибудь решит написать мемуары, название будет простым:

«Люди, которых я встретила в пункте выдачи».

Вторая часть должна была называться:

«И почему я всё ещё с ними разговариваю».

Она улыбнулась своей мысли и снова посмотрела на компьютер.

20:37.

До закрытия оставалось двадцать три минуты.

— Анна!

Из примерочной показалась девушка лет двадцати.

В руках она держала платье.

— А можно вернуть?

— Если заказ ещё не выкуплен, можно оформить отказ.

— А оно точно мне не идёт?

Анна посмотрела на девушку. Потом на платье. Потом снова на девушку. На самом деле платье ей не шло. Но Анна была сотрудником ПВЗ, а не подругой.

— Вам лучше примерить ещё раз.

Девушка задумалась.

— А если я надену с каблуками?

— Тогда, возможно, будет лучше.

— Вы думаете?

— Думаю.

Это была ложь, но очень добрая. Через несколько минут девушка ушла, оставив платье. Анна вздохнула и начала готовиться к закрытию. За окном медленно темнело. Где-то далеко хлопнула дверь машины, залаяла собака. Проехал автобус, и на мгновение его окна осветили фасад соседнего дома.

Анна посмотрела на часы. 20:51. Она уже собиралась выключить часть света, когда дверь открылась. Звон колокольчика над входом прозвучал почти вызывающе.

— Вы ещё работаете?

Анна подняла глаза с надеждой сказать "нет", но... нет.

Мужчина стоял на пороге, держа телефон перед собой.

— До девяти.

— Успел.

— Пока да.

Он улыбнулся.

— Тогда спасайте.

Анна тоже улыбнулась, потому что именно из таких людей и состояла её работа. Из тех, кто приходил в 20:58 за заказом, который мог забрать ещё утром. Она нашла его коробку, протянула клиенту и пожелала хорошего вечера. Потом закрыла дверь.

Перевернула табличку. «ЗАКРЫТО». И наконец осталась одна. Анна любила этот момент больше всего. Тишина после рабочего дня. Она снимала бейдж, собирала волосы, выключала компьютер и на несколько минут просто стояла у окна. В тёмном стекле отражалась она сама.

Двадцать семь лет. Светлые волосы, легкая причёска, которая к концу дня была похожа на старую швабру. Усталые глаза. Чёрная футболка под тонкой курткой. Никаких особенных украшений. Никаких каблучков. Никакой красивой жизни, которую принято показывать в социальных сетях.

Просто Анна.

Она всегда была Анной. Не Аней - слишком по-детски, не для серьёзного разговора. Не Анютой - это звучало как приглашение к чему-то тёплому и доверительному, а она таких приглашений никому не делала. Анна. Твёрдо. Сдержанно. Без лишних сантиментов. Так называли её в школе, так называли на работе, так она называла себя сама, когда разговаривала с собственным отражением. Девушка из обычного ростовского района, которая каждый день выдавала чужие покупки и иногда думала, что неплохо было бы однажды получить посылку с собственной жизнью.

Она усмехнулась своему отражению.

— Красиво придумала.

И выключила свет. На улице оказалось теплее, чем она ожидала. После тесного помещения воздух показался огромным. Анна закрыла дверь, проверила замок и спрятала ключи в сумку. Перед ней лежал её привычный путь домой - через двор, мимо детской площадки, потом под аркой и дальше вдоль домов. Обычный. Знакомый. Безопасный.

На следующее утро Анна проснулась от того, что за окном кто-то громко и совершенно безнадежно пытался припарковаться между двумя машинами, расстояние между которыми явно было рассчитано на велосипед. Она полежала ещё несколько минут, глядя в потолок и слушая, как за стеной соседи включают телевизор, а на кухне закипает чайник. В Ростове утро

всегда пахло чужим кофе, выхлопными газами и почему-то жареным луком. Анна привыкла. Она вообще много к чему привыкла за последние два года. Например, к тому, что её жизнь состоит из одинаковых дней.

Подъём. Чай. Душ. Дорога в ПВЗ. Двенадцать часов за стойкой. Дорога домой. Сон.

Иногда она думала, что если бы кто-то снял фильм о её жизни, зрители уснули бы уже на пятой минуте. Слишком мало событий. Слишком тихо. Слишком предсказуемо. Но сегодня, почему-то выходя из дома, она почувствовала лёгкое, почти незаметное волнение. Ничего особенного не должно было случиться. Обычный день. Обычная смена. Обычные люди с обычными заказами.

— Анна, ты выдумываешь, — сказала она себе, поправляя ляжку сумки на плече. — В твоей жизни ничего не случается. И это хорошо.

Она шла по знакомому маршруту, слушая, как шуршит под ногами сухая листва, и чувствуя, как утреннее солнце приятно греет плечи. Осень в Ростове продолжала делать вид, что лето никуда не уходило: тёплый воздух, яркое небо, листья, которые только начинали желтеть по краям. Пункт выдачи встретил её привычным запахом картона и пластика. Анна открыла дверь, включила свет, проверила терминал, загрузила новые заказы и налила себе чай из термоса. Рабочий день начался.

Первые часы пролетели незаметно. Кто-то забрал посылку с книгой. Кто-то - набор кастрюль. Кто-то полчаса не мог найти телефон, а потом обнаружил его в собственной руке. Одна женщина вернула платье, потому что «оно оказалось слишком синим», хотя на сайте оно было именно таким синим. Анна улыбалась, выдавала коробки и иногда поглядывала в окно. Район жил своей привычной жизнью. Пенсионеры шли в магазин. Собаки гуляли с хозяевами. Молодые мамы катили коляски. Всё было спокойно.

Анна как раз переставляла коробки на верхней полке, когда услышала звон колокольчика над дверью. Она обернулась, придерживая коробку локтем, и на секунду задумалась: судя по звуку шагов, это точно не пенсионерка за посылкой и не парень, который забыл код в сотый раз. Шаги были слишком уверенные. Слишком ровные. Как будто человек прошёл специальные курсы по входу в помещение.

На пороге стоял мужчина в полицейской форме. Новенькой, отглаженной так, что хотелось спросить, не выдают ли участковым отдельного утюга вместе с погонами. Высокий, короткая стрижка, лицо серьёзное, в общем, ровно тот типаж, при виде которого хочется мысленно проверить, не нарушила ли ты что-нибудь просто фактом своего существования.

— Доброе утро, — сказал он тем особым ровным голосом, которым, видимо, учат разговаривать всех участковых на одном и том же курсе. — Младший лейтенант Калинин Максим Павлович. Новый участковый этого района.

Анна поставила коробку на место и мысленно выдохнула. Ах, вот оно что. Тот самый, о котором вчера вещала соседка из обувной мастерской с интонацией человека, объявляющего прибытие английской королевы.

— Здравствуйте, — ответила она голосом человека, у которого документы в полном порядке, а совесть - почти.

Максим Павлович прошёл немного, остановился у входа и принялся осматривать помещение. Стеллажи, примерочные, ячейки, окна. Смотрел он на них так внимательно, будто ожидал, что одна из коробок вот-вот попытается сбежать.

— Это ваша точка? — спросил он. — Пункт выдачи заказов «Квартал»?

— Моя, — кивнула Анна. — Анна Сергеевна. Собственник, директор, кладовщик, грузчик и служба поддержки в одном лице. Штат - один человек, и этот человек сейчас перед вами, слегка запylённый.

Она сказала это с лёгкой гордостью, как говорят про должность на визитке, которую сама себе придумала. Внутри, впрочем, всё немного подпрыгивало, не от страха, а от того особого

волнения, которое случается, когда на твою скучную рабочую пятницу неожиданно заходит человек в форме и с блокнотом.

Максим Павлович чуть приподнял бровь и сделал пометку. Судя по скорости письма, пометка была короткой. Возможно, просто «есть».

— В одиночку работаете? — уточнил он.

— В одиночку, — подтвердила Анна. — Смены с одиннадцати до девяти. Иногда до десяти, если кто-то приходит забирать заказ с видом человека, который только что вспомнил о его существовании. Но я справляюсь. У меня многолетний опыт переговоров с людьми, уверенными, что кнопка «код» на телефоне сама себя нажмёт.

Она хотела ещё что-то добавить - про выносливость, например, или про то, что за два года выдержала и женщин с четырьмя коробками, и мужчину, объявившего интернет заговором против пенсионеров, но слова почему-то застряли, когда он снова на неё посмотрел. Спокойно. Без особого выражения. Просто слушал, как слушают люди, которых на работе учили именно слушать, а не глазеть.

— Хорошо, — сказал он, снова черкнув в блокноте. — Анна Сергеевна. У нас в районе за последний месяц было несколько мелких происшествий. Продовольственный и хозяйственный магазины жаловались на ночных посетителей. Ничего серьёзного, но я должен знать, кто работает в каждом помещении. Особенно по вечерам.

— По вечерам у меня тихо, — ответила Анна чуть быстрее, чем планировала. — Самое страшное происшествие за последний месяц - это женщина, которая пыталась вернуть платье, потому что оно «оказалось слишком синим». Хотя на сайте оно было именно таким синим. Ещё бывают клиенты, которые распаковывают заказ прямо у стойки, устраивают маленький показ мод и уходят, ничего не купив. Но это скорее театральная угроза, чем криминальная.

Она замолчала, поняв, что уже минуту разговаривает как человек, который слишком старается быть смешным перед комиссией. Она вообще всегда так делала, когда нервничала - начинала сыпать подробностями, будто надеялась заболтать собеседника до состояния полного благодушия. Максим Павлович выслушал это без единой улыбки, но что-то в его взгляде слегка потеплело, примерно на полградуса.

— Ночные посетители вас не беспокоили?

— Нет, — сказала Анна. — Честно говоря, единственное, что меня беспокоит по ночам, это парковка вторым рядом прямо напротив входа. Но это, наверное, не совсем ваш профиль.

Шутка вышла так себе, но она всё равно её отпустила - терять уже было нечего. Максим Павлович чуть склонил голову, и на мгновение показалось, что он хотел улыбнуться очень коротко, будто улыбка была не предусмотрена уставом, но всё же нашла лазейку.

— Парковка - вопрос к ГИБДД, — ответил он ровно. — Моя задача - безопасность. Если кто-то будет вести себя агрессивно, если почувствуете угрозу - звоните сразу. Номер опорного пункта я оставлю.

Он протянул визитку. Анна взяла и прочитала: «Младший лейтенант Калинин М.П. Участковый уполномоченный» и номер телефона.

— Спасибо, — сказала она, кладя визитку на стойку. — Буду знать, кому звонить, если клиент решит вернуть кроссовки после месяца носки, уверяя, что «размер не подошёл».

На этот раз уголок его рта дрогнул уже увереннее, почти на полноценную улыбку, хоть и без зубов, будто зубы тоже были не по уставу.

— С кроссовками я не работаю, — сказал он. — Но если дело дойдёт до активных действий - обращайтесь.

Он развернулся к выходу, но у самой двери остановился и оглянулся.

— Анна Сергеевна. Я буду периодически заходить. Обход территории. Не пугайтесь.

— Не испугаюсь, — пожала плечами Анна. — Я привыкла, что сюда заходят самые разные люди. Одни за посылками, другие за порядком. Вы хотя бы не спрашиваете, почему так долго.

Максим Павлович ничего на это не ответил, только кивнул и вышел. Колокольчик звякнул ему вслед с таким видом, будто тоже был впечатлён. Анна постояла несколько секунд, глядя на закрытую дверь, а потом медленно выдохнула как выдыхают после экзамена, который, кажется, всё-таки сдала.

— Так, — сказала она себе шёпотом. — Это был просто участковый. Обычный человек с блокнотом. Собери себя обратно, Анна Сергеевна.

Она взяла визитку со стойки, повертела её в руках, будто это был приз в лотерее, и аккуратно засунула под монитор туда же, где годами копились стикеры с забытыми паролями и один рекламный магнит с пиццей. Потом вернулась к коробкам. Но мысли почему-то никуда не торопились уходить. «Максим Павлович Калинин», — повторила она про себя и хмыкнула.

Звучало это, конечно, как строчка из служебного протокола. Но почему-то с таким лицом, как будто протокол собирался стать чем-то бóльшим.

Глава 2. Ужин в квадрате

Анна жила в том же районе, где работала. Дом номер пять, второй подъезд, третий этаж, квартира с окнами во двор и вечным запахом соседского борща, который просачивался сквозь стены каждый четверг. Это было одновременно и удобно, дорога до работы занимала ровно семь минут пешком, и немного тоскливо: её жизнь замыкалась в одном квадрате, где ПВЗ, дом и продуктовый магазин образовывали идеальный треугольник.

Она открыла дверь ключом, стянула кроссовки и сразу услышала звук телевизора из кухни. Голос диктора что-то вещал про экономическую ситуацию, но поверх него слышалось характерное шипение сковороды и запах жареного лука.

— Мам, я пришла, — крикнула Анна, вешая куртку в прихожей.

— Ань, проходи, я котлеты делаю, — отозвался голос из кухни.

Галина Петровна, мама Анны, была женщиной, которая умела находиться в нескольких местах одновременно. Она одновременно слушала новости, жарила котлеты, нарезала салат и краем уха успевала следить за тем, что происходит за окном. Её энергия казалась неисчерпаемой, хотя пенсионный возраст давно давал право на покой. Но Галина Петровна не признавала покоя. Она считала, что покой - это когда все сыты, дома чисто, а в телевизоре показывают что-то интересное.

Анна прошла на кухню и села за стол. Мама стояла у плиты в цветастом фартуке, ловко переворачивая котлеты лопаткой. Она была на полголовы ниже Анны, но казалась больше из-за своей привычки заполнять собой любое пространство, в котором находилась.

— Ну как день? — спросила она, не оборачиваясь. — Много посылок?

— Обычно, — пожала плечами Анна. — Тридцать семь заказов. Один возврат. Одна клиентка, которая примерила платье, посмотрела на себя в зеркало и сказала, что оно «душит её мечты». Пришлось объяснять, что с мечтами я не работаю, только с кодами.

Галина Петровна усмехнулась и покачала головой.

— Душит мечты, надо же. А ты что?

— Я сказала, что, возможно, дело в мечтах, а не в платье. Она ушла недовольная, но платье забрала.

— Правильно, — кивнула мама. — Мечты мечтами, а на улице осень. Платье пригодится.

Анна замолчала, глядя, как мама ловко раскладывает котлеты на тарелку. И тут она вспомнила. Утренний визит. Форма. Блокнот. Серые глаза.

— Мам, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал небрежно, — у нас новый участковый сегодня заходил.

Галина Петровна обернулась, вытирая руки о фартук.

— Ой, да, я слышала! Соседка из второго подъезда рассказывала. Молодой, говорит. Назначили недавно.

— Молодой, — подтвердила Анна и тут же, не удержавшись, добавила: — И, знаешь, такой серьёзный. С блокнотом. Форма новенькая, отглаженная. Зашёл, представился, начал записывать - кто работает, кто предприниматель.

— Ну и правильно, — сказала мама, ставя на стол тарелку с котлетами. — Сейчас время такое, надо всё знать. А ты ему как?

Анна замялась. Она взяла вилку и начала ковырять картошку, не глядя на маму.

— Я как обычно. Начала шутить. Про платье, про кроссовки. Про то, что я тут и собственник, и грузчик. Он смотрел на меня таким внимательным взглядом, записывал, а я всё говорила и говорила. Как дурочка какая-то.

— Ну, ты всегда так, когда стесняешься, — заметила Галина Петровна, садясь напротив. — Такая вся деловая, а как человек в форме - начинаешь болтать, будто экзамен сдаёшь.

— А он даже не улыбнулся! — возмущённо продолжила Анна. — Ни разу. Только один раз, когда я про кроссовки сказала, у него уголок рта дёрнулся. Я думала, он безэмоциональный совсем.

— И как его зовут?

— Калинин Максим Павлович.

Галина Петровна взяла ложку, помешала чай и внимательно посмотрела на дочь.

— А красивая фамилия. Калинин. Как президент в прошлом веке. Ты его имя запомнила, я смотрю.

— Мам! — Анна почувствовала, как уши начинают теплеть. — Он участковый. Он записал меня в блокнот. Это его работа.

— А ты запомнила, что он Максим Павлович, — повторила мама с хитринкой в голосе. — Я вот своего участкового знаю только как «Петрович». А ты прям полностью запомнила.

— Потому что он представился! — почти пискнула Анна. — Я не могла не запомнить.

Галина Петровна взяла котлету и начала резать её на кусочки, явно наслаждаясь тем, как дочь пытается оправдаться.

— Ну, допустим, — сказала она, пряча улыбку. — А ты ему кто? Просто предприниматель?

— Да! Просто предприниматель. Я Анна Сергеевна, собственник ПВЗ, — ответила Анна с достоинством. — И больше ничего.

— А зачем он визитку оставил?

Анна застыла с вилок в руке.

— У него были визитки. Для экстренных случаев. Он сказал, если кто-то будет приставать - звонить.

— Ага, — кивнула мама, подливая себе чай. — Прямо на первом же обходе. «Если кто пристанет». Обычно участковые говорят просто «звоните», а этот сразу визитку. И что, ты теперь будешь звонить ему, если кто-то пристанет?

— Если кто-то угрожает, да! — твёрдо ответила Анна, хотя внутри понимала, что мама всё равно её переиграет.

Галина Петровна помолчала, отпила чай, а потом как бы невзначай сказала:

— А Андрей заходил сегодня, — как бы невзначай сказала мама.

Анна вздрогнула так, что вилка звякнула о тарелку.

— Зачем? — голос её стал тише.

— Спрашивал про тебя. Где работаешь, как дела. Я сказала, что ты занята, что смен много. Он ушёл.

— Он вообще не должен был приходить, — Анна поставила вилку на стол и почувствовала, как руки начинают дрожать. — Мы расстались. Полгода назад. Что ему нужно?

— Он сказал, что скучает, — осторожно ответила мама. — И что хочет поговорить. Ань, я знаю, ты взрослая, но... ты будь осторожна. Помнишь, как всё было?

Анна помнила. Слишком хорошо. Она помнила, как он однажды разбил её телефон об стену, потому что она не ответила на его звонок вовремя. Помнила, как стоял у двери и не пускал её к подруге, потому что «ты слишком часто с ней видишься». Помнила, как однажды схватил её за руку так сильно, что потом остались синяки, и говорил, что это потому что он «слишком сильно её любит». Она помнила, как плакала в ванной, чтобы он не слышал. Как придумывала оправдания перед подругами, почему не может прийти. Как перестала носить короткие платья, потому что он сказал, что «не хочет, чтобы другие мужчины на тебя смотрели». Три года. Три года она убеждала себя, что это нормально. Что все так живут. Что он просто «ревнует, потому что любит». Что если она будет лучше, спокойнее, послушнее - всё изменится.

Не изменилось. Расставание далось тяжело. Он не отпускал. Угрожал. Приходил к её дому и стоял внизу, пока она не спускалась «поговорить». Звонил по сто раз на дню. Писал сообщения, от которых у неё начиналась дрожь.

— Помню, — тихо сказала Анна. И добавила: — Он писал. Три месяца назад. Потом ещё. Потом перестал.

— И что ты делала?

— Не отвечала.

— Правильно, — кивнула мама. — А теперь он пришёл сам. Значит, не успокоился.

Анна почувствовала, как внутри поднимается знакомый холодок. Не страх. Скорее ожидание. Как перед ударом, который ты знаешь, что получишь, но не знаешь когда.

— Мам, а он спрашивал, где я работаю?

— Да. Я сказала, что в пункте выдачи. В этом районе.

Анна закрыла глаза.

Он знал. Теперь он знал.

— Он всегда так говорит, — тихо сказала она. — «Скучает», «поговорить». А потом начинается: «Ты моя, ты никуда не денешься». Я больше не хочу это слышать.

— Тогда будь осторожна, дочка. Если он будет приходить в ПВЗ — звони своему новому участковому. Как там его?

— Максим Павлович, — автоматически поправила Анна.

— Правильно, — сказала мама, пряча улыбку. — Калинин Максим Павлович. С визиткой и без улыбки. Если что, он тебя в блокнот записал, значит, обязан защищать.

Анна фыркнула, но внутри что-то тепло дрогнуло. Она вспомнила его внимательный взгляд, его ровный голос и кивок у фонаря. Почему-то стало спокойнее. Как будто присутствие этого серьёзного человека в форме где-то рядом делало мир чуть более надёжным.

— Ладно, — сказала Анна, беря вилку. — Будем надеяться, что Андрей просто так сказал и остынет.

— Будем надеяться, — повторила мама. — А пока - ешь. Котлеты остывают.

Они сидели на кухне, слушали телевизор и ели ужин. За окном опускалась тёплая ростовская ночь, фонари зажигались жёлтыми кругами, а где-то в районе ходил по улицам новый участковый - записывал, запоминал, охранял покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.